

Бондарев, Николай Александрович

Россия, Московская область

Май 2005 г.

(В сокращенном виде)

Уважаемый Eberhard Radczuweit!

Я получил Ваше письмо от 11.04.2005 в канун праздника 9 мая. Для меня этот день и праздник, и радость, и в то же время день горьких воспоминаний о перенесенных страданиях во время войны и после войны. И Ваше письмо меня очень обрадовало и утешило: ведь прошло уже 60 лет, а в Германии все еще помнят о жертвах и преступлениях во время войны, о судьбах бывших советских военнопленных. Ваша память и сочувствие к людям, подобным мне, очень трогает.

В связи с Вашим письмом мне также хочется сейчас высказать слова благодарности и признательности некоторым людям из Германии и России. Меня очень, до глубины души, взволновали слова немецкой женщины Ilsetraud Lipphardt о ее сочувствии, раскаянии и прощении перед советскими военнопленными за преступления нацистов во время войны. Я иногда перечитываю ее письма и прочитанное меня утешает и успокаивает. Я все послевоенное время очень переживал несправедливость ко мне и к людям, подобным мне. Очень несправедливы были высказывания и часто наказания к тем бывшим военнопленным, которые во время боевых действий были ранены, были в окружении и оказались в плену не по своей воле.

Попал я в плен в сентябре 1941 г. в Полтавской области после многодневных, беспорядочных перемещений в тылу немецких частей в составе небольшой группы почти безоружных рядовых и командиров, среди которых были раненые и контуженные. В тот же день пригнали нас во временный лагерь, огороженный колючей проволокой участок поля, в котором уже находилось много пленных. Здесь сразу же проводилась сортировка пленных и одновременно расстрелы евреев, политработников и лиц, похожих на евреев. Совсем ослабленные, тяжелораненые также расстреливались. Пленные продолжительное время были без еды и воды, никакой медицинской помощи не было.

Через некоторое время большая группа пленных из этого загона была переправлена в г. Кременчуг, в лагерь (видимо, распределительный). В этом лагере расстрелы, издевательства продолжались более безжалостно. За попытку приблизиться к колючей проволоке (где после дождя остались лужи воды), чтобы утолить жажду, охранник открывал автоматный огонь и не только по этому пленному, но и по всем другим, которые находились поблизости. Поздней осенью 1941 г. (точно не помню, а может быть, в самом конце 1941 г.) нас перегнали в лагерь под городом Проскуров (теперь Хмельницкий). Это был громадный лагерь по площади и количеству пленных, располагался на поле, был обнесен колючей проволокой и разбивался на квадраты; между квадратами были проходы для повозок-двуколок. Этот лагерь, видимо, был рассчитан для уничтожения пленных. Условия здесь были ужасные. Кормили так называемой «баладой» – супом, сваренным из собранных на поле и невымытых овощей. От

голода и болезней (главным образом, от дизентерии) умерли здесь многие тысячи пленных. Каждое утро можно было видеть вереницы двуколок (повозок) с доверху наваленными на них трупами, которые затем сбрасывались в траншеи.

Затем с большой группой пленных я был переброшен в лагерь в городе Каменец-Подольский. Здесь условия были не лучше, чем в Проскурове. К этому времени я уже был на краю гибели. Правда, здесь некоторые пленные, которые могли работать, выводились в город и им местные жители часто бросали в колонну что-нибудь съестное. Особенно запомнились мне побои, ужасная вшивость, грязь во дворе и казарме (бывшей конюшне). Перед выдачей скудной еды нас выгоняли во двор и заставляли становиться на колени в грязь и по команде подниматься за едой. По нетерпеливым и поднимавшим голову до команды стреляли по верху голов.

К счастью (или несчастью), когда я уже ощущал приближение своего конца, меня в составе большой группы перевезли в город Сандомир. Перевозили нас в открытых вагонах, было холодное время (кажется, конец 1941 года или начало 1942 г.), без теплой одежды, без еды. Во время следования по железной дороге в одном из вагонов пленные, проломив гнилой пол, несколько человек сбежало (чаще всего убегали на территории Украины, где проживали родственники). На одной станции конвой обнаружил этот побег и последовало наказание – расстрел каждого пятого-десятого из каждого вагона. После прибытия в сандомирский лагерь у нас появилась некоторая надежда на спасение. Здесь нас разместили в крытом помещении, очистили нас от грязи и вшей, мы стали получать хоть и скудную, но съедобную еду! А, главное, здесь мы не испытывали издевательств и побоев, мы не слышали и не видели расстрелов и ощутили строгое, но человеческое отношение к нам. Как недавно (года два-три тому назад) выяснилось из переписки: комендантом этого лагеря (Шталага №359) был в это время немецкий офицер, отец моей заочно знакомой женщины Isetraud Liphardt.

Через некоторое время часть пленных перевезли в город Катовице для работы на угольной шахте. Но из-за физической слабости я не смог там работать, и вскоре с большой группой был перевезен в Германию. В Германии вначале нас держали недолго, видимо, в распределительном лагере. Запомнил я этот лагерь по жестокости лагерного полицая – русского. Здесь он сильно избил меня граблями (разбил руку) за то, что я присел отдохнуть во время работы в лагере.

Вскоре я и другие были переправлены в Берлин. Здесь я находился в трудовых лагерях районов Falkensee и Spandau. В Falkensee я начал работать на заводе в механическом цехе. Однажды, работая на токарном станке, я потерял сознание. После «проверки на симуляцию» (меня в это время били ногами, кололи булавкой, как говорили потом мои товарищи) меня отстранили от этой работы и я в дальнейшем выполнял различные подсобные работы на заводе и в лагере. В Spandau я также находился в трудовом лагере. При одной английской или американской бомбежке наш лагерь частично был разрушен. Я и другие пленные, находившиеся в примитивном бомбоубежище (ров, выложенный и закрытый плитами) сильно пострадали. Меня извлекли из-под обломков плит и поместили в какое-то, видимо, больничное помещение. Надо отдать должное, что немецкие медики в это время весьма гуманно отнеслись ко мне и оказали нужную помощь и лечение. Вообще я должен сказать, что во время моей работы в Берлине и затем при службе в советских оккупационных войсках в других местах я часто встречал много добрых и сочувствующих немцев.

Примерно в начале апреля 1945 г. при приближении Советской армии солдаты охраны вывели нас из лагеря и погнали на запад, но вскоре покинули нас.

Мы, теперь свободные, с радостью и надеждой двинулись в сторону звуков оружейных выстрелов

После окончания войны служил в Германии в полку оккупационных войск, а в 1946 г. демобилизован. На родине еще не раз подвергался проверкам, и все время ощущал и видел некоторое недоверие и ограничения при назначениях по службе, при выборе места работы. После учебы в институте все время до пенсионного возраста работал на заводе. Уже более двадцати лет я не работаю; пенсионер, инвалид II группы.

С искренним уважением и благодарностью к Вам, Бондарев Николай Александрович.